ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК НОСИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Мясникова Л. А.

доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Гуманитарный университет (Россия), 620041, Россия, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, nauka-gu@mail.ru

Шумихина М. Н.

аспирант, Гуманитарный университет (Россия), 620041, Россия, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, shmnsk@mail.ru

УДК 1:316
ББК 60.028.13

Цель. Исследование направлено на изучение политического мифа как формы фиксации, хранения и трансформации исторической памяти.

Методология и методы. Политический миф представлен как превращенная форма мифа. В трактовке мифа авторы исходят из позиции А. Ф. Лосева, но, анализируя политический миф, учитывают и позицию Р. Барта. На основе системно-структурного подхода он описан как тотальная целостность трех основных элементов: мифа-идеи, мифа-образа, мифа-события. В качестве исходной концепции понимания исторической памяти принята позиция М. Хальбвакса. При выделении мифа-симулякра учитывается постмодернистский подход. Трансформация исторической памяти, фиксируемой в политическом мифе, исследована с применением историко-культурологических и сравнительных методологических подходов.

Результаты. Через выявление взаимосвязи политического мифа и исторической памяти, показана роль политического мифа в ее сохранении и трансформации в рамках новой идеологии.

Научная новизна. Определена специфика и структура политического мифа как тотального единства мифа-идеи, мифа-образа, мифа-события. Прослежены механизмы сохранения и трансформации исторической памяти, фиксируемой в политическом мифе при переходе из одного идеологического пространства в другое. Отмечены различные варианты обновления и сохранения исторической памяти через механизмы изменения и сохранения элементов политического мифа. Любой политический миф представляется авторами и как средство идеологической манипуляции сознанием и как выражение «правды жизни». Фиксируя то или иное историческое событие, политический миф, даже при его иллюзорности, может создать историческую традицию, если он для воспринимающих его индивидов или социальных групп становится мифом-событием. Вместе с тем, авторы выделяют такую разновидность политического мифа как мифы-симулякры, эти мифы паразитируют на мифе-событии и сами по себе, событием как правило не становятся.

Ключевые слова: политический миф, миф-идея, миф-образ, миф-событие, идеология, историческая память.

POLITICAL MYTH AS THE BEARER OF HISTORICAL MEMORY

Myasnikova L. A.

PhD (Philosophy), Professor, Vice-Principal for Research work, Liberal Arts University (Russia), 3 Zheleznodorozhnikov St., Yekaterinburg, Russia, 620041, nauka-gu@mail.ru

Shumikhina M. N.

Post graduate student, Liberal Arts University (Russia), 3 Zheleznodorozhnikov St., Yekaterinburg, Russia, 620041, shmnsk@mail.ru

Purpose. The research is aimed at studying the political myth as a form of fixation, storage and transformation of historical memory.

© Мясникова Л. А., Шумихина М. Н., 2016

Methodology and methods. Political myth is presented as a transformed form of myth. The myth of the interpretation of the authors proceed from the position of A. F. Losev, but by analyzing the political myth, and take into account the position of R. Barthes. On the basis of systemic-structural approach it was described as the total integrity of the three main elements: the myth-the idea of the myth image, myth-events. M. Halbvaksa position was taken as an initial concept of understanding the historical memory. Postmodern approach was used to define the myth-simulacrum. The transformation of historical memory, fixed by the political myth, was investigated using the historical-cultural and comparative methodological approaches.

Results. After identifying the relationship of the political myth and historical memory, it shows the role of a political myth in its preservation and transformation within the framework of a new ideology.

Author described the role of political myth in saving the historical memory and transformation within the framework of a new ideology by identification of interrelation between political myth and historical memory.

Scientific novelty. The specificity and structure of the political myth as the total unity of myth-the idea of the myth-image, myth-events were defined. The author described the mechanisms of saving and transformation of historical memory and transformation, fixed by the political myth of the transition from one ideological space to another. The various options of upgrading and preservation of historical memory through the mechanisms of change and the preservation of the elements of a political myth were noted. Any political myth is represented to authors and as a means of ideological manipulation of consciousness, and as an expression of «true life». By fixing this or that historical event, political myth, even when it is illusory, can create a historical tradition if it becomes a myth-event to perceiving it individuals or social groups. However, the authors identify a kind of political myth-like simulacra myths, these myths are parasitic on the myth-an event in and of themselves, the event is usually not made.

Key words: political myth, myth-the idea, myth-the image, myth-the event, ideology, historical memory.

Историческая память – то, без чего невозможно единство человеческого рода, без чего нет человека и здорового общества. История − соединение человеческих поколений, связь прошлого-настоящего-будущего. Это также стремление запечатлеть преходящее бытие, восстановить ушедшее для настоящего и будущего. Без прошлого человеческая жизнь безосновна. Прошлое – не просто то, чего нет, а то, что «было и прошло», но осталось прочной основой настоящего. Прошлое – «осевшее время», время, ставшее пространством, выявившее сущность как нерв существования.

О необходимости исторической памяти в русской философии всерьез заговорил П. Я. Чаадаев, выявляя пороки российской действительности. Если человек и общество не помнят прошлого, живут одним днем, то нет ни нравственности, ни развития, ни плодотворного существования. Цель преодоления разрыва между поколениями ставил также Н. М. Карамзин, который исходил из необходимости учета прежнего опыта государства и народа, он писал: «Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей» [7]. Обращаясь к прошлому из настоящего и для будущего, история пытается его сохранить, творит историческую память. Через историческую память, прошлое, которое невозвратимо, способно и «сегодня быть в наличии» (М. Хайдеггер).

Что обеспечивает наличие прошлого в настоящем? Каковы его носители? В каких формах оно оживает и продвигается дальше? Подобными формами являются и тексты историков, и культурно-исторические артефакты, и искусство. Нас же интересует такая форма фиксации, хранения и трансформации исторической памяти, как политический миф.

К мифу можно относиться по-разному: считать его ложью, вымыслом, предрассудком, или средством манипуляции сознанием (позиция Р. Барта), а можно – живым и непосредственным выражением и носителем особой жизненной правды, как полагал А. Ф. Лосев.

В политическом мифе, как ни в каком ином, эти аспекты наличествуют, то опровергая, то дополняя одну из ипостасей мифа другой − ложное сознание, идеологическая уловка и воображаемое, совпадающее с действительным и раскрывающее его суть во всей очевидной непосредственности.

Формула мифа А. Ф. Лосева: «Миф – чудесная, данная в словах личностная история», напрямую связывает его с историческим сознанием, исторической памятью. Мы не будем подробно останавливаться на сути мифа. Отметим лишь те основные его характеристики, из которых исходим.

Миф синкретичен. Синкретизм проявляется и в том, что сказанное не отделяется от действительного, воображаемое принимается за реальность, что в нем сливаются воедино, взаимопереходят и взаимозамещаются сакральное и профанное, небесное и земное, природное и человеческое, живое и неживое, рациональное и чувственное, слово, дело и вещь, вечное и временное. В мифе все живое, все единое, «все во всем». Вместе с тем, миф трансформировался. Трансформация мифа исследовалась О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинским,

Э. Я. Голосовкером и др. Миф как первая культурная форма породил множество иных форм мировоззрения: религию, искусство, науку, философию, идеологию. В них он остался жить в превращенной форме. Вместе с тем, миф в обыденном повседневном сознании может жить и в настоящее время. Интересно как раз сочетание превращенных и исходных форм мифа, что обнаруживается в политическом мифе.

Политический миф – превращенная форма архаического мифа. Это этизированный и рационализированный миф. В нем колоссальную роль играет рациональная идея. Именно преобладание рациональной идеи принципиально отличает политический миф от архаического мифа. Изначальный синкретизм мифа здесь ставится под вопрос, но совсем не исчезает. Более того, силу политическому мифу придает его опора на единство сакрального и профанного, взаимозаменяемость слова-дела-вещи, неотрывность рационального от чувственного образа и эмоционально-волевой составляющих, кажущаяся простота и общезначимость и т.д.

В политическом мифе четко прослеживается особая система, структура, взаимосвязь его основных элементов. Он может быть понят как тотальное единство трех основных компонентов: «мифа-идеи», «мифа-образа», «мифа-события» [10, с. 20–35]. Мифы-идеи целенаправленно конструируются политиками-идеологами для обоснования своих интересов, для манипуляции общественным сознанием. Создатели мифа-идеи всегда отдают себе отчет в том, какую идею они выражают, каким образом облекают ее в одежды мифа, зачем они это делают, чего они хотят добиться.

Идеи непременно соотносятся, перекликаются с вечными архетипическими образами, которые выполняют функции солидаризации, консолидации общества. Язык образов – символический язык (Э. Фромм). Этот язык связывает внутреннее и внешнее, он общезначим и универсален, т.к. выражает переживания, которые испытывал каждый через внешнее их обозначение. Соединение мифа-идеи и мифа-образа входит в сознание человека, определяет его мировосприятие, начинает экзистенциально переживаться, задает смысл дальнейших поступков человека, окрашивает смыслом его существование, т.е. становится мифом-событием. Миф-событие – сплав реально произошедшего и воспринятого сознанием, понятого, осмысленного, интерпретированного, иногда – перевернувшего жизнь человека, ставшего для него событием.

Какая-то политическая «выдумка», созданная с целью манипуляции сознанием, но нашедшая живой отклик в душе человека, становится его идеалом, жизненным кредо, светом, освещающим его существование и, тем самым, превращается в правду жизни. Тем самым политический миф оказывается выражением этического идеала.

Особенностью политического мифа является его принадлежность к идеологии, связка с идеологией заключается в том, что миф рационален, и всегда поставлен на службу властным структурам. Идеология же всегда есть некая система, модель, сотканная из политических мифов, которая принимается определенными группами общества в качестве истинных без строгих доказательств. Она представляет собой концентрацию идей («матрицу Гирца»), по которой формируется сознание человека. Если идеи, сообщения соответствуют потребностям и интересам людей, они принимают их как истинные. Таким образом, сферой распространения и существования политического мифа, как тотального единства мифа-идеи, мифа-образа, мифа-события, является идеологическое пространство, а идеология − его колыбелью.

Как уже явствовало из формулы мифа А. Ф. Лосева, миф напрямую связан с историей, а, следовательно, с памятью. Память – особенность индивидуальной психики. Она является лишь одним из компонентов когнитивной системы и составной частью процесса восприятия, усвоения, переработки, хранения и воспроизведения информации. Поэтому память имеет отношение к знаниям о прошлом, настоящем и будущем, и вообще к любым знаниям (представлениям).

Концепция памяти восходит к Аристотелю, к его трактату «О памяти и припоминании». По Аристотелю, память не является частью мыслительных способностей, она свойственна не только человеку, но и некоторым животным. Воспоминание же присуще только человеку, оно есть «как бы своеобразное отыскивание» образов и «бывает только у тех, кто способен размышлять», ибо «тот, кто вспоминает, делает вывод, что прежде он уже видел, слышал или испытал нечто в таком же роде» [2, с. 165].

Еще ранее, Платон писал: «вспомнить можно только то, что мы знали прежде», «воспоминание происходит двояким путем, или вследствие сходства или самого различия», и даже если «вид одного предмета наводит на мысль о другом» это уже воспоминание. Через воспоминание можно приблизиться к «первообразу», но достичь его невозможно. Без воспоминания, нет познания. «Познавать – значит не что другое как сберегать те сведения, которые мы приобрели, а забывать, значит терять те сведения, которые мы уже имели». Только в процессе познания люди вспоминают то, что знали прежде [12, с. 133–141].

Анализируя свойства памяти, Августин Блаженный видит в ней сокровищницу «бесчисленных представлений о всякого рода вещах, доступных чувствам». Но в памяти содержатся не только образы вещей, отпечатавшихся в духе, но и сами вещи, которые не могут свестись к образам. Раскрывая связь воспоминания с переживанием времени, Августин писал: «Людям,

чей век короток, трудно понять условия жизни и нравы прежних веков и других народов, согласовать их с тем, что им известно; если бы речь шла о чем-то частном, только об одном человеке или об одном дне, то тут они бы еще смогли усмотреть некоторый порядок и закономерность, но отнюдь не в целом; там бы они пришли к согласию, тут же – возмущены» [1]. Августин различает восприятие и воспоминание, а также воспоминание о воспоминании: «Память ведь и есть душа, ум… Когда я, радуюсь, вспоминаю свою прошлую печаль, в душе моей живет радость, а в памяти печаль: душа радуется, оттого, что в ней радость, память же оттого, что в ней печаль, не опечалена… Память − это как бы желудок души, а радость и печаль – это пища, сладкая и горькая: вверенные памяти, они как бы переправлены в желудок, где могут лежать, но сохранить вкус не могут» [1].

«Кладовой» идей называет память Джон Локк, он пишет: «...это откладывание наших идей в памяти означает только то, что во многих случаях ум обладает способностью восстанавливать восприятия, однажды бывшие в ней, с присоединением к ним добавочного восприятия, что она их раньше имела» [9, с. 168].

Начиная с М. Хальбвакса, память рассматривается как социальный феномен. Исследователь ввел в оборот понятие «коллективной памяти».

На сегодняшний день существует целый блок близких пересекающихся, но не тождественных понятий: «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «коммуникативная память», «историческая память» и т.д. В поле нашего исследования лежит категория «исторической памяти». Интерпретация понятия «исторической памяти» в современных исследованиях совершенно различна [13, с. 3–37]. Историческая память рассматривается как одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти; как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности (или, вернее, его символическая репрезентация); как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции; как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах; как коллективная память о нации, государстве; как идеологизированная история, более всего связанная с возникновением государства, нации; в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом; наконец, просто как синоним исторического сознания.

П. Нора справедливо отмечал, что интерес к исторической памяти возникает тогда, когда ее нет, когда происходит «разрыв времени».

История – всегда установление связи между имевшими место событиями. События, в данном случае, что-то реально произошедшее и повлекшее за собой нечто иное, реально осмысленное. Осмысление исторических фактов превращает их в события, между событиями устанавливаются связи, появляется целостность. События понимаются как нечто значимое для народа (нации, государства, группы людей). Они могут быть негативными, позитивными, радостными, ужасающими, ими могут гордиться или стыдиться, но они предстают как неординарные. Интерпретация изначально входит в историческое повествование. Поэтому об одном и том же может быть несколько историй. А в разных историях могут выявляться и разные события. Тем не менее, история стремится к объективности, к достоверности, претендует на правдивость и истинность, а, следовательно, − на общезначимость. Историческая память избирательна, она что-то высветила, что-то ушло в тень. Память конкретна и предполагает эмоциональный отклик. «Можно быть несогласным с той или иной версией, предложенной историками, но это несогласие вовсе не затрагивает личные чувства, как это бывает в случае с памятью» [11, с. 76].

Достаточно точное определение исторической памяти дает Л. П. Репина, она пишет: «Историческая память – сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), но одновременно она может выступать как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях» [13, с. 5].

То, что историческая память избирательна, конкретна, эмоционально окрашена, выступает основанием ее сближения с политическим мифом. Политический миф – носитель и хранитель исторической памяти. Прошлое оживает в настоящем через политический миф.

Трансформация прошлого в настоящем неизбежна. Так, всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, – например, в ходе рассказа – за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании, как указывает невролог Вольф Зингер, запоминается и контекст последней ситуации вызова из памяти – то есть изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается [3, с. 29–30]. Поэтому, как отмечал, К. Хюбнер: «Возвращение мифа в прежней форме уже исключается потому, что мы никак не можем проникнуть в мир, которому наш опыт полностью чужд» [15, с. 383].

Что же происходит с идеальным конструктом под названием «политический миф»?

Миф-идея теряет свою действенность, в случае, когда лишается доверия со стороны масс. Происходит деструкция мифа. Существование идеологии ставится под угрозу. С. Жижек замечал: «Мы можем освободиться от идеологии, открыто признав и продекларировав не только ее существование, но и свое место под ее

гнетом. Дело в том, что мы не должны забывать: природа любой идеологии такова, что та может действовать только подспудно. Никогда – напрямую. Стоит провозгласить идеологию, ее истинный смысл и цели, как ты уже подрываешь ее силу» [6].

Но для самого человека борьба с идеологиями – это «борьба с ветряными мельницами», результат этой борьбы оказывается слишком болезненным, ведь это фактически означает разрушение основания мира человека, мифа-события, что приводит к разрушению в его сознании целостной картины мира, к хаосу, то есть, для человека это опыт не просто освобождения от идеологии, а потеря смысла. Идеологическое пространство «раскалывается на куски». Начинается процесс «растаскивания» политического мифа.

Каково же дальнейшее существование политического мифа? Оно различно. Во-первых, миф-идея, которая осталась от прошлого, может отбрасываться и заменяться новой, соответствующей актуальным интересам власти и потребностям общества. При этом для того, чтобы политический миф вновь «работал» (оживлял историческую память), необходимо сохранять его «тотальное единство», что может достигаться за счет сохранения ключевого архетипического образа, и дополнения новыми (периферическими) образами. Эти образы даются современной культурой и искусством. То есть, фактически, происходит не столько деструкция, сколько реконструкция политического мифа. Например, миф об Иване Грозном. Образ Ивана Грозного у Н. М. Карамзина представлен мифом о преступном царе, получившем жестокое воздаяние за свои грехи. В середине XX века, в сталинский период фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» создает новый политический миф: Иван Грозный – собиратель и защитник русской державы, его великая мессианская цель оправдывает жестокие средства как по отношению к внутренним врагам, так и к внешним. В середине 70-х гг. XX века Л. Гайдай особым образом интерпретирует М. Булгакова в своей комедии «Иван Васильевич меняет профессию». Уже нет Грозного царя. Взаимозамена Ивана Грозного с Иваном Васильевичем Буншей как бы снимает с царя проклятье, его «опрощение» становится его прощением. Зачем Ивана IV проклинать как злодея, что было, то прошло. Он может хмуриться, палкой стучать, главное, чему он был предтечей – «ляпота» Москвы и всей советской жизни, где вместо врагов есть дураки и воришки, чванливые бездари. А вообще-то, все это не более чем сон.

Во-вторых, новые идеи могут смещать прежние смыслы, опираясь на то, что вечные архетипы всегда являются смысловой матрешкой, точнее веером смыслов-образов. В этом случае реконструкция прежнего политического мифа происходит иным образом. В качестве примера можно рассмотреть миф о Павлике Морозове – пионере-герое. Исходным архетипом этого политического мифа был образ жертвы (искупительной жертвы), миф об Авеле и Каине, миф о жертве сына Авраамом, миф о жертве Иисуса – сына Божия и т.п. Итак, Павлик Морозов, который обличил отца в обмане советской власти, был убит родственниками (дедом и двоюродным братом), которые якобы, тоже какое-то «вредительство» затевали. Он – жертва и мученик за свою веру (в идеи коммунизма). Будучи мучеником, он освящается как Герой, т.е. этизируется. Постсоветская идеология в качестве жертвы представляет отца Павлика, а «пионер-герой» понимается как предатель ближнего своего, как аморальный выродок. Также есть интерпретация, в которой Павлик Морозов остается жертвой, мучеником системы (идеологии, общества), но в этом случае он – не Герой. Таким образом, новые мифы-идеи используют «вечные образы» и модифицируют мифы под свои нужды и запросы, смещая смыслы.

Из обломков старых политических мифов, можно создавать новые мифы и пускать их в дело – манипулировать сознанием масс, манипулировать памятью. Результатом манипуляции становится внушение массам и определённой концепции истории, которая легитимизирует политические цели и господство политически доминирующей группы. Попытка деидеологизации порождает из мифа новый миф, только в границах иного идеологического пространства.

Новые политические мифы, «паразитирующие» на прежних политических мифах можно назвать мифами-копиями и мифами-симулякрами. Казалось бы, всякий политический миф в определенной мере симулякр. Не нонсенс ли среди политических мифов выделять какие-то особые мифы-симулякры? Попробуем обосновать правомерность подобного выделения.

По Делезу, копии и симулякры – это два типа образов, где копии есть «вторичные обладатели [сопричастным]», по существу, это образы – наделенные сходством [5, с. 342].

В свою очередь симулякры – это образы, лишенные сходства. «Симулякры – нечто вроде ложных претендентов, чьи претензии строятся на несходстве, заключающемся в сущности извращении или отклонении [от непричастного]» – писал Ж. Делез [5, с. 332]. При этом сам симулякр «образует знак мгновенного состояния и не может ни установить обмена между умами, ни позволить перехода одной мысли в другую» [8, с. 81]. Вот типичные политические симулякры, использовавшиеся российскими СМИ: Война с Грузией – понуждение к миру; системная оппозиция (не опасная) – внесистемная оппозиция (преступная); шпион – разведчик; ограниченный контингент – бандформирование; партизан – боевик; богатый – олигарх (богатый человек – член кремлевской номенклатуры,

олигарх – богатый человек, который неугоден власти); оккупация – освобождение, победа демократов – оккупация агентами США, «оранжевая революция»… [4, с. 73–78]. По той же логике трансформирован и миф о Павлике Морозове.

Подмена смыслов, уничтожение, забвение, модификация мифов-идей чаще всего происходит не в периоды постепенного развития, а в кризисные периоды для государства. Переименование городов, улиц, площадей, уничтожение плакатов, различной символики, портретов бывших лидеров, подвергшихся репрессии, демонтаж памятников, – все это характерно для смены политических эпох, но когда приходит осмысление, утраченное сложно воспроизвести.

Еще один вариант включения старого мифа в новую идеологию, когда прежняя идея не отбрасывается, а модифицируется за счет опять же облечения в конкретно-образную форму, что можно проследить на примере лозунгов разных исторических эпох: «За веру, царя и Отечество!», «За Родину, за Сталина!», «За Ельцина, за Новую Россию!», «Мы за Путина! За Великую Россию!».

Миф-идею, которая осталась «сама по себе», берет на вооружение историческая наука, стремящаяся к установлению истины. Историки в своих историописаниях пытаются отделить историческое от фикции, но, тем не менее, часто при этом выполняют «заказ» государства.

Историк при написании истории, как и помнящий индивид, оперирует образами. Как отмечал Й. Хейзинга, «… всякое историческое знание об одном и том же предмете – независимо от того, является ли этим предметом город Лейден или Европа в целом, – выглядит в голове ученого А совсем не так, как в голове ученого Б, даже если оба они прочли абсолютно все, что можно было прочесть на данную тему… В отдельном мозгу историческое знание никогда не может быть чем-то большим, нежели память, откуда могут быть вызваны те или иные образы» [14, с. 219].

Оперирование образами приводит не только к переосмыслению мифов, но и рождению новых, при этом степень участия профессиональной исторической науки в рождении или в переосмыслении мифов совершенно различна. Так, уже упоминаемые мифы об Иване Грозном, как о преступном царе, дошедшем в конце концов до «предела во зле» и получившем за свои грехи прижизненное воздаяние, – «адскую казнь сыноубийства» – был создан еще Н. М. Карамзиным, но получил вторую жизнь в искусстве пореформенной эпохи. Мифологизированное представление о том, что Петр Первый был вынужден пожертвовать собственным сыном ради успеха реформ и блага страны, вошло в обиход русской культуры благодаря крупнейшему историку пореформенной эпохи – С. М. Соловьеву.

В любом случае тотальное единство политического мифа (т.е. превращение идей, образов в событие) является еще одним смысловым напластованием в модифицирующийся политический миф. Прежние смыслы не исчезают, они как бы уходят в тень, остаются «облаком», хвостом внутри обновляющегося политического мифа. При новых обстоятельствах они могут обнаружиться и дать возможность политическому мифу как носителю исторической памяти жить дальше. Они соединяют настоящее с прошлым, оживляют прошлое в настоящем.

Литература:

1. Августин. Исповедь [электронный ресурс]. URL: http://www.book.uraic.ru/ (дата обращения 10.05.2015).
2. Аристотель. О памяти и припоминании //Вопросы философии. 2004. №7. С. 161–168.
3. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. №2–3.
4. Волков В. Н. Симулякр в политической жизни современной России // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №4. С. 73–78.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
6. Жижек С. Об идеологии. Психологи против капитализма (и не психологи) [электронный ресурс]. URL: http://www.redpsychology.wordpress.com/2013 (дата обращения 28.07.2015).
7. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии Пьером Нора). Беседу подготовила и провела Е. И. Филиппова // Этнографическое обозрение. 2011. №4. С. 75–84.
8. Карамзин Н. М. История государства российского [электронный ресурс]. URL: http:www.kulichki.com/inkwell/text/ (дата обращения 13.02.2016).
9. Колоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса. СПб., 1994. С. 79–91.
10. Локк Д. Избранные философские произведения. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1960. 731 с.
11. Мясникова Л. А., Шумихина М. Н. Политический миф: образ, идея, событие // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. №6. С. 20–35.
12. Платон Философские беседы (диалоги): Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон. М.: ЛИБРОКОМ, 2012 . 346 с.
13. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.

14. Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс − Традиция, 1997. 416 с.
15. Хюбнер К. Истина Мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.

References:

1. Augustine. Confession [e-resource]. URL:http://www.book.uraic.ru/ (date of reference 10.05.2015).
2. Aristotle. On memory and recollection // Voprosy filosofii. 2004. № 7. Pp. 161–168.
3. Veltser Kh. History, memory and the present of the past. Memory as an arena of political struggle // Neprikosnovennyy zapas: debaty o politike i kul'ture. 2005. № 2–3.
4. Volkov V. N. Simulacrum in the political life of modern Russia // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv. 2012. № 4. Pp. 73–78.
5. Deleuze G. The Logic of Sense. M.: Akademicheskiy Proyekt, 2011. 472 p.
6. Žižek S. On ideology. Psychologists against capitalism (and not a psychologist) [e-resource]. URL:http://www.redpsychology.wordpress.com/2013 (date of reference 28.07.2015).
7. History and Memory in the era of the domination identities (interview with member of the French Academy Pierre Nora). Interview was prepared and conducted by Ye. L. Filippova // Etnograficheskoye obozreniye. 2011. № 4. Pp. 75–84.
8. Karamzin N. M. History of the Russian State [e-resource]. URL: http:www.kulichki.com/inkwell/text/ (date of reference 13.02.2016).
9. Kolossovski P. Simulacrum of Georges Bataille // Tanatografiya Erosa. SPb, 1994. Pp. 79–91.
10. Locke J. Selected Philosophical Works. Vol. 1. M.: Sotsekgiz, 1960. 731 p.
11. Myasnikova L. A., Shumikhina M. N. Political myth: an image, an idea, an event // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2015. № 6. Pp. 20–35.
12. Plato. Philosophical discussions (dialogue): Euthyphro. Apology of Socrates. Creighton. Phaedo. M.: LIBROKOM, 2012 . 346 p.
13. Repina L. P. The experience of social crisis in the historical memory // Crises of pivotal era in the historical memory / Edited by L. P. Repina. M.: Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 3–37.
14. Huizinga J. HomoLudens, a study of the play element in culture. M.: Progress − Traditsiya, 1997. 416 p.
15. Hubner K. The truth of the Myth. M.: Respublika, 1996. 448 p.